
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 341

DOI: 10.31249 /iajpravo/2025.04.11

АЛФЕРОВА Е.В.¹, АЛФЕРОВ О.Л.² ПУТИ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: СТРАТЕГИИ, ФОРМЫ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ЕГО ПЕРЕМЕН (Обзор)

Аннотация. В данном обзоре рассматриваются основные «идеально-типичные» пути и факторы изменений в международном праве. Анализируются трудности, связанные с обеспечением эффективного регулирования ключевых вопросов международного права, роль государств и международных институтов в развитии международного права, реализации стратегий и форм его изменений.

Ключевые слова: международные отношения; международное право; международные нормы; изменения в международном праве; международные организации; международный правовой порядок; стабильность международного права; международные институты.

ALFEROVA E.V., ALFEROV O.L. Ways of Changing International Law: Strategies, Forms and Driving Forces of its Change (Review)

Abstract. This review examines the main “ideal-typical” ways and factors of changes in international law. The difficulties associated with ensuring effective regulation of key issues in international law, the role of States and international institutions in changes in international law, the implementation of strategies and forms of its change are analyzed.

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, завотделом правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² Алферов Олег Леонидович, ведущий редактор отдела правоведения ИНИОН РАН.

Keywords: international relations; international law; international norms; changes in international law; international organizations; international legal order; stability of international law; international institutions.

Для цитирования: Алферова Е.В., Алферов О.Л. Пути изменения международного права: стратегии, формы и движущие силы его перемен (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 4. – С. 146–162. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.04.11

Введение

Международная политика и право находятся в постоянном движении. Как замечают Нико Криш, профессор Женевского Института международных исследований и исследований в области развития, и Эзги Йылдыз, доцент кафедры международных отношений Калифорнийского государственного университета в Лонг-Бич, доктор философии в области международных отношений, редакторы и авторы книги «Множество путей изменений в международном праве» [9], международное право выглядит сегодня гораздо менее гибким, хотя в определенной степени оно отражает меняющиеся политические обстоятельства своего времени. Как и когда политические изменения приводят к новым международно-правовым нормам и их интерпретации, до сих пор не совсем понятно. По словам Н. Криш и Э. Йылдыз, «Цель этой работы – приблизиться к пониманию того, как происходят изменения в международном праве, исследовать факторы, которые способствуют или препятствуют принятию политических преобразований в международном правовом порядке» [4, р. 3–4]. При этом особое внимание в книге уделяется направлениям и подходам к изменению международного права государств, международных органов и организаций, играющих центральную роль на каждом пути этих изменений. Авторы намеренно отошли от доктринальных категорий, в рамках которых юристы-международники обычно изучают изменения, и исключили многие случаи, когда новые права, обязательства и понимание международно-правовых норм возникали вне рамок традиционных процессов, ориентированных на государство [4, р. V–VI]. Вместе с тем основные концепции и инструментариум позволили им структурировать данное исследование и провести всесторонний анализ процессов изменений, происходящих в

международном праве, с акцентом на исследованиях, которые находятся на стыке международного права и международных отношений.

Трудности, связанные с регулированием ключевых вопросов международного права

Вопрос об изменениях занимает центральное место в международном праве из-за отсутствия законодательных механизмов, которые позволили бы адаптировать правовые нормы к изменяющимся обстоятельствам. Этот вопрос всегда вызывал озабоченность юристов-международников, но он приобрел особую остроту в начале XX в., когда призывы к «мирному изменению» международных договоров (часто заключенных в условиях крайне неравноправных отношений) приобрели политическую силу, а отсутствие международного законодательного органа вызывало всеобщее недовольство. В связи с этим многие исследователи указывают на структурные трудности, связанные с обеспечением эффективного регулирования вопросов, представляющих глобальный интерес, таких как изменение климата, ограничения в адаптации действующего международного права к меняющимся политическим интересам и взглядам, например в случае с правом мировой торговли в связи с проблемами окружающей среды и развития или проблемами регулирования инвестиционных отношений. Хотя эти трудности, возможно, заставляют стороны искать решения вне рамок официального международного правопорядка, есть также признаки того, что они приводят к адаптации традиционно жестких методов установления официального права. Особенно это касается таких областей, как (международное) экологическое право, право прав человека, гуманитарное право, уголовное право или право международных организаций, а также ключевых институтов общего международного права, таких как ответственность государства, право о применении силы или обычное право, влияние международных институтов на развитие международного права [4, р. 6–7].

Следует отметить, что в растущей междисциплинарной литературе на стыке международного права и международных отношений вопросу изменений международных норм, и это признается странным, уделяется лишь ограниченное внимание. Значительная часть этой литературы направлена на трактовку и понимание конкретных норм международного права в данный момент, при этом в

ней не уделяется особого внимания динамике изменения правовых норм с течением времени.

Анализ позиций ряда ученых-международников позволил Н. Криш и Э. Йылдыз утверждать, что «картина, которая складывается в результате существующих изменений в международном праве, вызывает больше вопросов, чем дает ответов, что существует пропасть между различными оценками степени стабильности или гибкости международного права...» [4, р. 9]. Отмечается, что исследования, ориентированные на государство, конкурируют с теми, в которых основное внимание уделяется роли международных институтов. Многие из этих различий связаны с более широкими разногласиями по поводу природы международной политики, а эмпирические данные о международном праве как таковом остаются разрозненными. И большинство из исследователей – как юристы, так и политологи – представляют публикации, относящиеся к различным областям международного права и разным историческим периодам; тем самым картина изменений международного права преуменьшается, и их можно выявить только в результате комплексного исследования и почерпнуть из разрозненных данных [Ibid].

Н. Криш и Э. Йылдыз стремятся реконструировать многочисленные пути изменений в различных областях международного права, особенно в процессах изменений, которые нельзя свести к разработке международных договоров. Объясняют они это тем, что международные договоры являются наиболее распространенным способом внесения изменений в национальное законодательство, и они широко изучаются, но международные договоры – это относительно редкое явление, учитывая, насколько сложно их заключать. Исследователи также приходят к выводу, что за последние два десятилетия, с одной стороны, процесс заключения договоров застопорился. С другой стороны, многие изменения в международном праве происходят по разным направлениям – с участием действий государств, судов, экспертных органов и т.д. Под изменением в данном случае понимается любое изменение аргументации в пользу определенной позиции по содержанию международной нормы [4, р. 9]. Такой подход выходит за рамки идеи о том, что изменения международного права требуют замены одной нормы другою, что обычно лежит в основе доктринальных подходов. Вместе с тем существуют различные степени изменений, некоторые из них более ограниченные, другие более радикальные, и что невозможно провести четкую грань между простым

изменением толкования нормы и появлением нового правила. Изменение происходит, когда в какой-то другой момент времени меняется масштаб возможных интерпретаций или весомость определенных позиций в юридическом дискурсе.

Основные «идеально-типичные» пути и факторы изменения международного права

Исследователи выделяют пять основных «идеально-типичных» факторов (путей) изменения международного права, существующих в различных контекстах. Каждый путь имеет свою собственную логику и опирается на определенные полномочия и механизмы, с помощью которых происходят изменения или на которые субъекты международного права полагаются, предлагая изменения: 1) односторонние действия и заявления государств, показывающие изменения их позиции; 2) многосторонние заявления государств в рамках международной организации; 3) заявления и решения международных организаций, не предполагающие участия государств в их принятии (бюрократический путь); 4) решения судебных и квазисудебных органов (судебный путь); 5) заявления (признанных) специалистов в личном качестве без учета принадлежности к государствам или международным организациям, часто в форме отчетов, технических руководств, стандартов и т.п. [4, р. 13–15].

1. *Путь действий государства (The state action path)*. На этом пути изменения могут возникнуть, когда государства меняют свое поведение и делают соответствующие заявления, опираясь на традиционное представление об изменениях в международном обычном праве и последующей практике международных договоров. Легитимность этого пути основывается на авторитете государства. Хотя попытки внесения изменений могут быть инициированы несколькими государствами, их успех зависит от формирования более широкого консенсуса вокруг предлагаемого изменения. Механизм изменений обычно состоит из двух этапов: предложение новой нормы или установление новой практики, а затем достижение консенсуса вокруг этих новых представлений. Традиционно считалось, что такой консенсус требует практически всеобщего признания или молчаливого согласия, но на практике фактический порог может быть ниже.

2. *Многосторонний путь (The multilateral path)*. Здесь изменения происходят в результате заявлений, сделанных многими го-

сударствами в рамках международной организации. Они опираются на коллективный авторитет государства, а также на институциональный авторитет международной организации. Так, резолюция, принятая Советом ООН по правам человека, например, часто будет казаться более авторитетной, чем коллективное заявление тех же государств вне рамок организации. Попытки изменить ситуацию на этом пути обычно осуществляются путем внедрения новых идей с помощью деклараций и документов мягкого права, а также принятия официальных международных договоров, которые могут изменить мнение об обычных или толковании существующих соглашений, даже если они не ратифицированы повсеместно.

3. *Бюрократический путь (The bureaucratic path)*. Изменения на этом пути определяются как результат решений или заявлений, принимаемых международными организациями в контексте, который не предполагает прямого участия государств в процессах принятия решений. Он основан на делегированных полномочиях или бюрократических полномочиях, вытекающих из опыта, возможностей и процедур, хотя он также может отражать принципиальный (моральный) авторитет. Источники полномочий часто бывают неоднозначными и зависят от конкретного органа, о котором идет речь. Например, КМП ООН опирается как на свой мандат, так и на признанный опыт своих членов. Обычно этот путь заключается в подготовке текстов для целей разъяснения и толкования и, таким образом, носит более технический характер.

4. *Судебный путь (The judicial path)*. Изменения в этой форме признаются результатом решений и заключений судов и квазисудебных органов. Они зависят от полномочий судебных экспертов и, часто, также от делегирования полномочий государствами. Изменения обычно происходят с помощью механизмов толкования или передачи мнений, выраженных в других правовых инструментах (как мягких, так и жестких), без открытых претензий на осуществление изменений. Международные суды являются типичной опорой на этом пути, но такие институты, как договорные органы ООН по правам человека или национальные контактные центры ОЭСР, играют здесь такую же роль, как и национальные суды, когда они интерпретируют международное (а не национальное) право.

5. *Путь личного авторитета (The private authority path)*. Изменения в этом методе следуют за заявлениями или отчетами признанных специалистов в личном качестве без четкой принадлежности к государствам или международным организациям или

мандата от них. Притязания этого пути на легитимность основаны на авторитете, полученном от опыта, возможностей или принципов, а также на инклюзивных процедурах. Механизмы изменений на этом пути часто представляют собой вмешательства, ориентированные на решение конкретных проблемных областей, и реализуются посредством разработки технических руководств, стандартов и нормативных актов, отвечающих новым требованиям, которые (пока) не решаются другими способами, но в более исключительных случаях, таких как МККК, могут оказать влияние, в значительной степени способствуя долгосрочному изменению установленных правил.

Следует подчеркнуть, что эти пути идеально типичны и не являются взаимоисключающими – достаточно часто они проходят параллельно или пересекаются, поддерживая или подрезая друг друга. Взаимодействие между путями приводит к целому ряду последствий – от закрепления правовых изменений путем создания координационных центров до предоставления оснований для (дальнейшего) юридического оспаривания путем предоставления альтернативных интерпретаций. Они также часто появляются последовательно, причем одни пути могут опираться на другие, например, судебный – на частный. Таким образом, изменения в международном праве редко являются результатом задействования одного-единственного механизма [4, р. 15].

Н. Криш и Э. Йылдыз задаются вопросом: когда попытка изменить международное право оказывается успешной [4, р. 18]. И ищут ответ на него в традиционной правовой доктрине, которая фокусируется исключительно на позициях государств и требует почти единодушной поддержки или молчаливого согласия между государствами (или участниками международных договоров). В действительности этот порог оказывается ниже – изменения, по видимому, принимаются во многих случаях с меньшей поддержкой со стороны государств или даже вопреки возражениям с их стороны. Однако неясно, какие факторы определяют успех процессов изменений. В существующей литературе особое внимание уделяется двум группам факторов: *позициям государства и свойствам норм*. Важны еще две группы факторов, обе из которых связаны с описанными выше путями: одна связана с *институциональной структурой* соответствующего контекста, а другая – с *дискурсивными возможностями*, способствующими правовым изменениям. Важность этих последних факторов подтверждается подходами, основанными на историческом и дискурсивном инсти-

туционализме, которые менее заметны в международных отношениях, но потенциально эффективны в контексте такой дискурсивно ориентированной области, как международное право [4, р. 18–19].

Позиции государств. Большинство наблюдателей сходятся во мнении, что успех изменений в международно-правовых нормах во многом зависит от того, насколько сильно государства поддерживают их или выступают против. Там, если среди государств есть единодушие или почти полное единодушие, изменения скорее всего произойдут гладко и быстро. В сфере обычного права этот факт подтверждается такими понятиями, как «устоявшийся обычай» или различные формы «современной обычая», которые уменьшают необходимость согласованности практики или заявлений с течением времени [4, р. 19]. Анализ литературы также показывает, что лидирующие страны не всегда добиваются перемен с помощью быстро претворяемых в жизнь предложений о существенных изменениях. Они могут осуществлять фундаментальные и в то же время неформальные изменения посредством постепенного изменения путем внесения предложений о целесообразности определенных стандартов, или моделей поведения. Они также могут намеренно сохранять нормы нестабильными, чтобы оставить больше пространства для маневра [Ibid].

Педро Мартинес Эспонда, профессор международного права Иберо-американского университета в Мехико, отмечает, что некоторые различия в плане необходимой государственной поддержки могут быть связаны с важностью рассматриваемой нормы – с тем, в какой степени попытка изменить норму привлекает внимание высокопоставленных политиков или общественного мнения. По вопросу, имеющему относительно ограниченную значимость, изменения могут происходить более плавно, и возражения некоторых государств могут не казаться слишком серьезными (и могут не сопровождаться вложением значительного дипломатического капитала). Напротив, когда речь заходит о важных вопросах, участие государств скорее всего будет более активным, и они с меньшей вероятностью будут оставаться в стороне, если их коснутся процессы изменений [3, р. 69–87].

Например, как показывает Марк Поллак, профессор политологии и права Темплского университета в Филадельфии, Администрация президента США Дональда Трампа (речь идет о первом сроке его президентства) стала самым значительным «проводником перемен» в международном правовом порядке за последние десятилетия. Трамп изменил «политику США в отношении широ-

кого спектра договоров, касающихся торговли и контроля над вооружениями, изменения климата и здоровья, а также международных учреждений ...». «Администрация Трампа атаковала эти столпы правового порядка, возглавляемого Америкой, и потратила значительное количество энергии на подрыв установленных правил и институтов права международной торговли – проблемной области, которая была (и остается) весьма актуальной» [6, р. 35–37].

Стандартные свойства норм. Вторым набором факторов, которые влияют на вероятность успеха попыток внесения изменений, являются свойства международных норм. В первую очередь это касается их *стабильности*: чем более устоявшейся и неоспоримой является существующая (интерпретация) норма, тем выше порог для изменений.

Стабильность и жесткость существующей нормы определяют, насколько высокой будет мотивировочная нагрузка для попытки изменения. Когда нагрузка невелика, небольшие изменения в обстоятельствах могут спровоцировать изменение нормы. Когда бремя становится выше, инициаторам перемен требуется более веское обоснование, и им часто приходится идти более медленным путем, сначала дестабилизируя существующие договоренности, а затем восстанавливая новые [4, р. 21].

Институциональная поддержка. Этому набору факторов уделяется меньше внимания в литературе, посвященной изменению международных норм, но, как предполагают редакторы книги, эти изменения не менее важны: существование, форма и доступность институтов и органов власти. Институциональные факторы могут иметь значительные последствия для ряда элементов процессов изменений. В этом смысле обычно имеет решающее значение, исходит ли поддержка попытки перемен от подавляющего большинства членов Генеральной Ассамблеи ООН или от группы экспертов по данному вопросу. Однако, как полагают авторы, без четкой институциональной поддержки предложения об изменениях новое понимание нормы вряд ли получит распространение [4, р. 22–24].

Дискурсивные возможности. Четвертый набор потенциальных факторов относится к взаимосвязи правовых норм с идеологической атмосферой вокруг них. Когда этот разрыв увеличивается, и особенно когда он увеличивается внезапно или в течение короткого промежутка времени, возрастает необходимость адаптации международно-правовых норм. В критический момент, например в связи с окончанием Второй мировой войны или с гено-

цидом в Боснии, или нападениями 11 сентября, международные правовые изменения могут произойти, даже если прежние нормы стабильны, а государственная поддержка относительно слаба [4, р. 24–25].

Эти названные выше группы потенциальных факторов, лежащих в основе успешных изменений международного права, взаимозависимы, т.е. взаимно усиливают друг друга, но при определенных обстоятельствах также могут влиять на принятие решений или потенциально заменять друг друга.

Далее кратко остановимся на четырех основных темах, составляющих содержание рассматриваемой коллективной монографии: (1) стратегии изменений международного права и (2) формы его изменений, (3) движущие силы этих изменений и (4) измененные ситуации, влекущей трансформацию международного права.

Стратегии изменений международного права

Стратегия является важной частью инструментария для процессов изменения международного права, и часто она адаптируется к средствам и целям попыток внести эти изменения, утверждает М. Поллак [6, р. 35]. В связи с этим в центре внимания одного из авторов книги – деятельность Администрации президента США Дональда Трампа¹ и ее долговременное наследие, которое он определяет как самый значительный «проводник перемен» в международном правовом порядке за последние десятилетия. Сравнительное исследование политики этой Администрации, ее целей, средств и наследий автор проводит в четырех областях права международной торговли: 1) пересмотр североамериканского законодательства. Соглашение о свободной торговле (НАФТА) в качестве соглашения между Соединенными Штатами и Мексикой и Канадой (USMCA); 2) выход из подписанного, но не ратифицированного Транстихоокеанского партнерства (ТТП); 3) несоблюдение правил ВТО в форме всеобъемлющих тарифов против Китая; 4) паралич Апелляционного органа ВТО.

М. Поллак считает, что в целом администрация Трампа является самым значительным «проводником перемен» в международном правовом порядке за последние десятилетия. Автор на конкретных примерах проводит сравнительное исследование, ана-

¹ Речь в книге идет об анализе деятельности Администрации президента США Дональда Трампа в первый срок его президентства (2016–2020).

лизирует цели, средства и наследие политики администрации Трампа в четырех областях права международной торговли: (а) пересмотр североамериканского законодательства. Соглашение о свободной торговле (НАФТА) в качестве соглашения между Соединенными Штатами и Мексикой и Канадой (USMCA); (b) выход из подписанного, но не ратифицированного Транстихоокеанского партнерства; (с) несоблюдение правил ВТО в форме всеобъемлющих тарифов против Китая; и (d) паралич Апелляционного органа ВТО. На основе данного исследования автор заключил, что «администрация Трампа с переменным успехом стремилась подорвать международное верховенство права как таковое и что, по крайней мере, некоторые из ее усилий оставили неизгладимый след в мире, они ослабили международные законы и институты» [6, р. 35–36].

Стратегии бывают разной направленности, и заинтересованные субъекты международного права могут прибегать к тактике, отличной от той или иной попытки изменить ситуацию, отмечает Педро Мартинес Эспонда, профессор международного права Иберо-американского университета в Мехико, исследующий довольно малоизученную тему нормотворческой нестабильности как стратегию международного нормотворчества и форму взаимодействия государств и международных организаций с международным правом [3, р. 69–88].

Нестабильный статус нормы активно культивируется субъектами международного права, которые предпочитают широкое пространство для маневра, а не четко ограничивающие правила. Нестабильность нормы, подчеркивает Педро Мартинес Эспонда, может быть преднамеренной и поддерживаться по меньшей мере четырьмя различными стратегиями дестабилизации: многосторонняя двусмысленность, избирательный протест, скомпрометированная поддержка и непонятный (загадочный) прецедент.

Стоящая где-то между полной поддержкой четкого правила и явным противодействием существованию международного правила, нормодестабилизация как форма участия в международном законодательстве, по мнению автора: во-первых, – это ситуация, когда международная норма не может дать однозначного ответа на юридическую проблему либо потому, что ее условия остаются в значительной степени неясными, либо потому, что степень ее обязательности вызывает серьезные споры; во-вторых, – это нежелание международного субъекта конкретизировать аргумент о значении, сфере охвата, обязательности или существовании правила

до такой степени, чтобы это правило обеспечивало бы простой ответ на регулируемый юридический вопрос.

Показательно то, что автор в этой нестабильности видит определенную ценность и полагает, что она сохраняет свободу действий вовлеченных в нее заинтересованных сторон. В то время как стабильные правила не оставляют сомнений в том, что запрещено, нестабильность норм максимально расширяет спектр возможных вариантов поведения и сохраняет видимость законности и – что крайне важно в дискурсивной среде, управляемой идеей верховенства закона, – легитимности. Таким образом, считает Педро Мартинес Эспонда, во многих контекстах сохранение нормативной нестабильности путем недопущения закрепления неблагоприятной нормы будет рациональным курсом действий для субъектов международного права [3, р. 88].

Дополнительная ценность нормостабилизации, в отличие от откровенного противостояния, заключается в том, что она решает проблему в рамках правового дискурса и верховенства закона [ibid].

Формы изменений международного права

Форма изменений, полагает Тони Патнэм, научный сотрудник Колумбийского университета, важна не только для определения амбициозности попыток изменений в международном праве, но и для создания препятствий или возможностей для успешного осуществления этих изменений. В своей части книги он прослеживает общую динамику таких изменений на примере понимания обязательства по предотвращению, закрепленного в Конвенции о геноциде 1948 г. и толкования этой Конвенции. Переосмысление концепции предотвращения злодеяний без внесения официальных поправок в текст договора стало возможным благодаря усилиям многих сторон – правительств, международных организаций и негосударственных субъектов. В части книги Т. Патнэм высказывает несколько заслуживающих внимания соображений о преимуществах сосредоточения внимания на конкретных пути развития международного права [7, р. 107–127].

В свою очередь, Ваутер Вернер, профессор международного права Амстердамского свободного университета, исследует динамику, стоящую за пересмотром и кодификацией существующего права. На основе исследования проекта выводов КМП ООН по определению обычного права он приходит к заключению, что изме-

нения в этой области, часто осуществляемые экспертами, наделенными полномочиями переформулировать, а переформулированное превращать во что-то новое и непохожее, носит в высшей степени политический характер, особенно потому, что оно предполагает отделение релевантных материалов от не относящихся к делу. Повторение порождает перемены, но также скрывает политическую динамику, которая ими движет. В. Вернер называет такой подход «бюрократическим путем» к переменам. Для этого у него есть основания: КМП «опирается как на свой мандат, так и на признанный опыт своих членов». КМП отличается от почти всех других юридических экспертных органов своим особым институциональным положением, встроена в структуру, в которой доминирует государство, и частично зависит от их мнения и восприятия. Когда речь заходит о работе КМП, бюрократический путь и путь действий государства, как правило, пересекаются. Главная тема, которую рассматривает автор, – разработка норм КМП, этап, на котором «действующие лица и органы власти, связанные с определенным путем, обрабатывают изменения и формулируют заявления о статусе рассматриваемой нормы» [11, р. 129–132].

Движущие силы перемен

Эта актуальная и остро дискуссионная тема рассматривается Уэйном Сандхольцем, профессором и заведующим кафедрой международных отношений Джона А. Маккоуна факультета политологии и международных отношений Школы права Гулда Университета Южной Калифорнии [8, р. 179–200]. Речь идет о более широких силах, которые приводят к переменам, – смене власти, идей или конфигурации действующих лиц. Он сосредоточен на влиянии растущего авторитаризма на законодательство в области прав человека. При этом У. Сандхольц подчеркивает, что международные правовые изменения не обязательно должны быть прогрессивными или либеральными. С его точки зрения: «(1) изменения в международном праве не всегда носят прогрессивный характер, но могут также происходить в нелиберальном направлении; и 2) для международного права в области прав человека – и, вероятно, также для других областей международного права – важнейшие пути изменений пролегают через национальные институты и практику» [8, р. 199].

Последствия усиления роли прав человека и защиты окружающей среды рассматриваются Селин Тревизанут, профессором

международного права и устойчивого развития Утрехтского университета, Нидерланды. Она прослеживает проблему трансформирования морского права под воздействием современных тенденций развития международных отношений и международного права. Как замечает С. Тревизанут, после принятия Конвенции ООН по морскому праву четыре десятилетия назад морское право казалось относительно статичным, но изменения произошли в смежных областях международного права, особенно благодаря активизации многосторонних, бюрократических и частных механизмов управления, которые направляют сигналы об изменениях в области прав человека и экологического права. По ее словам, этому преобразованию способствует участие нескольких альтернативных органов власти, таких как международные организации, экспертные учреждения, добивающиеся нового понимания руководящих принципов и справочников, а также частных субъектов (например, нефтегазового сектора и профессиональных ассоциаций) [10, р. 201–226].

Ситуации, влекущие изменения в международном праве

Рассмотрения этой темы Джефф Кусик, доцент кафедры политологии и права в Университете Аризоны, и Серхио Пуч, профессор права и директор программы международной торговли и делового права в этом же Университете, начинают с изучения институтов, участвующих в международных правовых изменениях. Анализ ситуации сосредоточен на Апелляционном суде ВТО, который действует и полномочен осуществлять изменения соответствующих норм международного права, и, в частности на том, как этот Суд относится к «прецеденту» в ответ на политические вызовы. Основываясь на широком количественном анализе судебной практики Апелляционного суда ВТО, авторы приходят к выводу, что данный Суд действительно с гораздо большей вероятностью скорректирует свою судебную практику перед лицом таких вызовов – очень важный вывод, который проливает свет на политическую динамику судебного процесса, на котором государства больше не находятся у руля, но все еще продолжают действовать, оказывать значительное влияние [5, р. 249–251].

Доротей Эндрес, научный сотрудник Женевского института международных исследований и исследований в области развития, кандидат юридических наук, изучает социологические рамки, с помощью которых конструируются изменения в международном

праве. Д. Эндрес отмечает, что оценка постепенных изменений особенно сложна, когда они обрабатываются в разных практических сообществах, которые могут прийти к разным выводам о том, произошли ли изменения и кто уполномочен их идентифицировать. Как утверждает автор, в отсутствие координационного органа, способного обеспечить сближение, могут сохраняться различные позиции, что снижает шансы на прямое объединение. Таким образом, «перемены» часто находятся в поле зрения наблюдателя и обусловлены конкретной практикой сообщества, в котором он находится [2, р. 289–290].

В центре внимания Фуада Зарбиева, доцента кафедры международного права Женевского института международных исследований и развития, представлен процессно-ориентированный анализ изменения полномочий КМП по толкованию в международном праве. По мнению автора, КМП поставила под сомнение верховную власть государства в области толкования международных договоров в своем проекте выводов о последующей практике. Однако с созданием официального режима толкования международных договоров, а также с распространением альтернативных органов по толкованию и договоров с третьими сторонами-бенефициарами ситуация начала осторожно меняться. Ф. Зарбиев предполагает, что даже с точки зрения доктрины центральная роль государств в (толковательных) изменениях в международном праве является относительной [12, р. 307–308].

БС Чимни, профессор международного права Международной юридической школы Джиндала, Индия, в «Эпилоге» размышляет о перспективах изменений международного права и ограничивающих их рамках. Автор делает акцент на постепенных и неформальных изменениях, поскольку такие подходы стали доминирующей формой изменений из-за «преобладающей насыщенности международного права договорами». По его мнению, пути постепенных изменений потенциально открывают пространство для антигегемонистских движений и идеалов, но только лучшее понимание политики этих путей позволит использовать их в разумных целях [1, р. 346].

Заключение

Как, почему и при каких условиях попытки внесения изменений в международное право оказываются успешными – до сих пор не совсем понятно. Эта книга приближает к пониманию этого

вопроса. В ней представлен инструментарий, помогающий изучать пути и факторы внесения изменений в международное право. Для того чтобы уловить динамику изменений в международном праве, в книге описываются пути, способы, скорость, трудности изменений в международном праве. Картина таких изменений показывает, какую важную роль продолжают играть в этом процессе государства и другие международные субъекты.

Ученые из разных стран мира рассматривают многие факторы, определяющие успех попытки внесения изменений в международное право. Многие процессы изменений, описанные ими, имеют прогрессивное направление, но это зависит от конкретного политического контекста.

Список литературы

1. Chimni BS. Epilogue: Fragmentary Thoughts on Informal Change // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 335–346.
2. Endres D. Whose International Law is Changing? The Practice of Fragmented Communities Constructing Legal Change // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 267–289.
3. Esponda Pedro Martнnez. Norm- instability as a Strategy in International Lawmaking: The Case of Self- defence against Non- state Actors // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 69–88.
4. Krisch N., Ezgi Yildiz E. The Many Paths of Change in International Law: A Frame // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 3–33.
5. Kucik J., Puig S. The Appellate Body’s Judicial Pathway: Precedent, Resistance and Adaptation // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 249–265.
6. Pollack M.A. Trump as a Change Agent in International Law: Ends, Means, and Legacies // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 35–68.
7. Putnam T. Tracing International Legal Change in Genocide Prevention // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 107–128.
8. Sandholtz W. Resurgent Authoritarianism, Rights, and Legal Change // *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 179–200.
9. *The Many Paths of Change in International Law* / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – 371 p.
10. Trevisanut S. The Future of the Oceans: The Role of Human Rights and International Environmental Law in Shaping the Law of the Sea // *The Many Paths of*

Change in International Law / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 201–226.

11. Werner W. The Making of Lawmaking: The ILC Draft Conclusions on the Identification of Customary Law // The Many Paths of Change in International Law / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 129–149.
12. Zarbiyev F. A Quiet Revolution in the Making? The Changing State Authority in Treaty Interpretation // The Many Paths of Change in International Law / ed. by Nico Krisch, Ezgi Yildiz. – Oxford: Oxford univ. press, 2023. – P. 291–308.